

Шафоростов К.Д.

Избранное

Москва, 2016

Оглавление

I – Эх, жизнь моя	3
“Так много на земле страданий”	3
“В жизни вещи разные бывают”	3
“Ещё вчера светило солнце”	4
“Серая стена в стороне от дороги”	5
Последний звонок	6
Прощание с институтом	6
“День за днём пролетел старый год”	7
“Уходит жизнь, как поезд в никуда”	7
Реквием.....	9
“Я жизнь прожил так”	10
“Я, как Булат, дитя Арбата”	12
“Я раньше никогда не думал”	13
II – У природы нет плохой погоды	15
“Уезжая в город, покидать нам жаль”	15
“Дождик топчется за дверью”	15
Зимний Кольский	16
Летним утром.....	17
“Печальный серый дождь как будто входит в раж”	17
Зима.....	18
III – Размышления вслух	20
“Вдруг наступила тишина”	20
“Упал туман и вылился сметаной”	20
Ветераны	20
“Всем известна истина простая”	22
“Когда над Русью безнадежно”	22
“Одурачены, околпачены”	23
“Деньги. Деньги. Много ль толка в них?”	24
“Без совести, без разума, без чести”	25
“Спросил я у гадалки: – «Что ждёт святую Русь?»”	25
Посвящается конкурсу «Грудь – 1998»	26
Поступь демократии	27
“Славянские народы – братья”	28
“В кожанке чёрной, череп бритый”	29

IV – «О, женщина, тебя считал я надеждой, утешеньем, всем...»	30
“Шелест, звон, удары капель”	30
“Мне во сне приснился светлый лик”	30
М.С.Н. в день совершеннолетия	31
Признание	31
“Майский день начинался в тумане”	31
“Извините, девушка, нахала”	32
“Ещё весна не начиналась”	33
“Тёмный вечер, погашены свечи”	33
“Торшер. Два кресла. В этом мире”	34
“Хоть долго время тянется в разлуке”	34
“Какое новое светило”	35
“Сколько раз я тебе изменял?”	36
“Ах, эти пасмурные дни”	37
“О, женщина!”	37
V – Разное	38
“Есть на свете небольшое”	38
“За помощью врачебной”	39
“За окошком снег кружится”	41
Песня инструктора по туризму «Манарага».	42

I – Эх, жизнь моя

*Я разным бываю порою –
Бываю плохим и хорошим,
И просто самим собою.*

* * *

Так много на земле страданий,
что верится невольно мне –
есть где-то там, за дальней далью,
причастный и к моей судьбе.

Глаза с печалью и тоскою
глядят на мой неверный путь.
В них крик наполненный мольбою –
и мне приходится свернуть.

В сиянье дня, во мраке ночи
я вижу скорбный их овал.
Они прощают, но не многих,
Не тех, кто слишком низко пал.

Они следят, чтоб я в дороге
Не заблудился, не устал.
Я – человек, но перед ними
всё ж несоизмеримо мал.

1967

* * *

В жизни вещи разные бывают.
Объяснить никто не сможет нам
отчего туман на землю падает,
и грачи летят из дальних стран,

отчего на небе звёзды тучей,
а будильники звенят в тиши ночной,
почему хотим мы самой лучшей,
а на нас глядят с укором и тоской?

Почему последней желтой птицей
падает на землю лета тень,
почему я должен был родиться
не вчера, не завтра, а в тот день?

Почему с весной уходящей
вдруг уходит первая любовь,
отчего черёмухи увядшей
запах вспоминается мне вновь?

1967

* * *

Ещё вчера светило солнце,
закат алел как никогда,
глядели девичьи глаза
из позабытого оконца.

Ну а сегодня полумрак,
зеркал затянутые лица
и у подъезда вереница
родных, знакомых и зевак

Последний путь, звон колокольный,
надрывный и печальный звон,
затронет их как жуткий сон,
на миг своей щемящей болью.

А завтра снова будет солнце
и снова неба бирюза,
да те печальные глаза
из позабытого оконца.

1967

* * *

Серая стена в стороне от дороги,
серая дорога в стороне от стены.
До стены от дороги не так уж много
проложено тропок прямых и кривых.

Это не место, где празднуют праздники,
пьют вино и женщин целуют.
Это не лес, в котором о счастье
на каждом суку кукушки кукуют.

Здесь старушки ногами шаркают,
тишину, нарушая шамканьем,
и подыскивают местечко
где прилечь им, где прилечь им.

Здесь нависла костлявая лапища.
Это место зовётся – кладбище.

Дин-дон – колокола бьют,
Дин-дон – кого-то несут,
Дин-дон – от зари до зари,
Дин-дон – звонят звонари

И тишина, лишь только всхлип,
треск лопат и шорох одежд.
Ветер пыльцу сдувает с лип,
запахом режет всё, без надежд.

Люди что-то хоронят здесь.
Какой это клад – попробуй взвесь?!
Родной человек из жизни ушёл,
У здешней земли особый душок.

Жизнь хороша, но лишь только тогда,
Когда коротка – она дорога.

1967

Последний звонок

Последний день – и звон стоит в ушах.
Последний день – и слёзы расставанья,
И льётся звон, как нить воспоминанья
всего, что пролетело на глазах.

Глаза! Глаза! Как много в них вопросов.
Придёте или нет? А... всё равно...
Но школа поднимается утёсом
учителем обтёсанным давно.

И падают цветы к ногам, к ногам.
А голос всё твердит, всё о своём
Он заглушает зала легкий гам –
Да, мы придём! Вы ждите! Мы придём!

1968

Прощание с институтом

Сколько зим прошло, и сколько вёсен,
сколько праздников и разных дат?!
Сколько раз экзамены на осень
оставлял нам добрый деканат?!

И не раз отметками в зачётке
отмечался каждый наш успех.
Всё прошло, как сходит первый снег,
как стирают детские пелёнки,

Здесь не будет больше наших песен,
наших игр и наших кутежей,
хоть и будет дым табачный взвешен
в гуле многолюдных этажей.

Сколько лет нам были эти стены
домом неосознанных утрат?!
Но пришла пора – уходим,
Все мы, как заходит солнце на закат!

1974

* * *

День за днём пролетел старый год
и уже навсегда канул в вечность.

Кто-то дыры латал,
Кто-то звезды хватал,
Кто, устав от забот и тревог,
вместе с ним отошёл в бесконечность.

Всех надежд неоправданных груз,
всех печалей испитую чашу
он захватит с собой,
поручусь,
и оставит лишь радость,
а, может быть, грусть
по тому, сокровенному, часу.

Вот оторван последний листок –
календарь похудел ровно на год
За окном скрип шагов –
Новый год к нам идёт,
зимней сказки желанный подарок.

1977

* * *

Уходит жизнь, как поезд в никуда,
а я в нём, словно «заяц», без билета
забился в глубь купе, и еду,
а за окном проносятся года.

Остался позади родной перрон
с воспоминаньем песен, что мне пели
на сон грядущий у моей постели.
Растаял в дымке детства сладкий сон.

Уж пролетели школьные года
под вальса нестареющего звуки
и на вопрос о будущей разлуке
колеса простучали да-да-да.

Вот полустанок «первая любовь»,
за ним вторая, третья и так дальше
а жизнь бежит, того, что было раньше
не возвратить и не изведать вновь.

Построен дом и дети поднялись,
и за окном, посажены тобою,
сады, шумя зеленою листвою,
за поворот дороги пронеслись.

Разносит ветер паровозный дым
и вместе с ним заботы и тревоги
по встречной колее дороги
мелькают мимо поездом шальным.

И снова тишина, лишь стук колёс.
Кондуктор объявляет остановку.
Из темноты, надвинувшись неловко,
вокзал несбыточных надежд пополз.

Скрип тормозов. Стоянка пять минут,
и кто-то отбивает телеграмму:
Встречайте. Завтра. 8:30. Маму.
Как будто в этом мире где-то ждут.

Вот поезд снова набирает ход,
проплыл глазок зелёный светофора,
свободные места вдоль коридора
поспешно начал занимать народ.

В дорогу гонят радость иль беда
и потому надеемся – не скоро
пойдут с проверкою билетов контролеры,
а поезд мчится дальше – в никуда.

А может лучше взять, на всём ходу,
дверь отворить в неведомые дали
и сделать шаг, пока не помешали,
навстречу вечности. Всевышний, я иду!

Октябрь 1998

Реквием

Вот и годы пролетели
словно быстротечный миг.
Не подняться уж с постели
мне под тяжестью вериг.

Труд дороги не изведать,
Не проситься на постой,
утром по росе не бегать
и не мять травы густой

Вольным воздухом раздолья
полной грудью не дышать
и над праздничным застольем
голос свой не возвышать.

Видно наступило время
на покой мне уходить
и посеянное семя,
уходя благословить.

Им оставлю неба просинь
в пене белых облаков
и, дурманящий под осень,
запах зреющих хлебов,

словом, вечно нас манящий
из насиженных квартир,
радость жизни всем дарящий
и безумный этот мир.

А ещё оставлю строчки
незатейливых стихов,
завершив их многоточием
мною не высказанных слов

Бал окончен, гаснут свечи
жизнь не повернуть назад,
У постели, сгорбив плечи,
проводимые стоят.

Под святыми образами
над дилеммой: быть – не быть
мне с незваными гостями
трубку мира не курить.

Жизни таинство свершится
и, окончив путь земной,
улетит душа как птица,
на рассвете в мир иной.

Март 1999

* * *

Я жизнь прожил так,
как меня учили.
Возможно, был порой излишне груб,
но я любил тех,
кто меня любили,
а с недругом квитался – зуб за зуб.

Злодейка жизнь меня
нещадно била,
но о другом пути не помышлял
и, стиснув зубы,
хоть и трудно было,
я ей другой щеки не подставлял,

а дальше шёл,
к своей заветной цели,
что как звезда сияла впереди
и, хоть порой романс финансы пели
я свято чтил завет – не укради.

Сам не просил
с протянутой рукою,
Но и другим просящим не давал.
Искал во тьме
Урочною порою
разбросанные камни собирал.

Насущный хлеб свой
добывал по крохам,
в поте лица, верша нелёгкий труд.
И верности обет,
дав перед богом,
я не творил с чужой женою блуд.
На собственных
и на чужих ошибках
познал: ученье – свет,
а неученье – тьма
и золотую середину выбрал,
чтоб не изведать горе от ума.

Я открывал,
убежище просящим,
дверь, в тишине едва услышав стук,
и осенял крестом животворящим
сомненьями истерзанный свой дух.

Мне иногда
в сознании воспалённом
шептал о месте златоустый Змий,
но и тогда я,
гневом ослеплённый,
о заповеди помнил – не убий!
Я жизнь прожил
и вот пора настала
оценку дать тому, что совершил:
Рай заслужил
иль в Ад идти пристало,
ведь кто на этом свете не грешил?!

Март 1999

* * *

Я, как Булат, дитя Арбата,
его бессменный часовой.
Здесь пращурьы мои когда-то
остановились на постой

Здесь появился я на Ржевском,
когда звенел капелью март.
Я дорожу им, как наследством,
его пою, как верный бард.

Я знаю каждый переулок
и каждый улиц поворот
где с ароматом слобных булок
меня, как прежде, детство ждёт,

где по булыжнику с друзьями
кольцо гремящее гонял
и где с весенними ручьями
кораблик странствий отправлял.

Арбат. Арбат. Как сердцу мило
мне благозвучье этих слов.
Оно наградой мне явилось
из незапамятных веков.

И, как птенец, набравший силы
уже покинув отчий дом,
куда б судьба не заносила,
я память сохранил о нём.

Март 1999

* * *

Я раньше никогда не думал
как нелегко из жизни уходить.
Казалось, стоит дверь лишь затворить.

Но вот под шорох листьев павших
и нудный стук осеннего дождя
ОНА пришла и позвала меня
в последний путь в страну теней вчерашних

Приходу я неожиданному не рад
и голос подаю не смелый –
дай поглядеть как скорбный саван белый
на землю кинет зимний снегопад.

Позволь взглянуть, как в предрассветный час
уже гонимый вестником Авроры,
мороз свои волшебные узоры
на окна нанесёт в последний раз.

И что ж, пришла зима, продлив мои минуты,
но под метели заунывный вой
я снова ощущаю за собой
ЕЁ дыханья холод лютый.

А я опять к ней с просьбою простой –
хочу с весенним солнышком проститься
услышать капель звон и вешнюю водой
перед дорогой дальнею омыться.

Хочу взглянуть, как предвещая лето,
сквозь прелый лист пробьются первоцветы,
услышать, как трепещет майский лист,
а лес наполнит щебет райский птиц.

И вновь она даёт отсрочку мне
и воздух полон свежестью весенней,
и я уже поверил в воскрешенье,
и солнца луч запрыгал по стене.

Но заморозков утренний ледок
и облетевший цвет расцветшей вишни,
как смертного озноба холодок
напоминают мне, что я здесь лишний.

И я молю – о, дай мне испытать
как разноцветие лугов дурманит,
как в летний зной реки живая гладь
к себе прохладой и забвеньем манит.

И вот настало лето в свой черёд
и подарило прелесть красок жизни,
а словно в знак о предстоящей тризне,
венки увядший, да игристый терпкий мёд

Прошу я СМЕРТЬ немного подождать –
к чему спешить, ещё не наступила осень
и тучи не закрыли неба просинь,
и стаи птиц не стали улетать,

ещё не закружился листопад,
укутывая землю одеялом
и целый день, гонимы ветром шалым,
по крыше капли нудно не стучат.

Так завершился жизни оборот,
сквозь зелень леса проступил багрянец,
как на больном горячечный румянец,
на стеклах капли, как холодный пот.

Кольцо замкнулось в круговерти дня
и остаётся ожидать с надеждой,
что и сейчас я окажусь сильней.

Декабрь 1999

II – У природы нет плохой погоды

* * *

Уезжая в город, покидать нам жаль
шелковые реки, голубую даль,
розовые горы в шапках облаков –
девственные книги каменных веков.

Длинная дорога, перестук колес,
долгую разлуку поезд мне принес.

Бьет лучами солнце, в пыльное окно.
Горы в дымке тонут. До свиданья! Но

в городах далёких снятся иногда
розовые горы, белые снега,
голубые окна вековых озёр,
убранные лесом в палевый узор.

1971

* * *

Дождик топчется за дверью,
странный мокрый непоседа,
вытирает чинно ноги
о соседские пороги.

Дождик просится погреться,
этот бессловесный дождик
лижет вашу дверь от скуки,
лижет преданно вам руки.

Дождик много сказок знает,
славный, милый этот дождик,
про принцесс и принцев разных,
и про золушек прекрасных.

Он ушёл, не смог дождаться,
не сказал и сотой доли,
только лужицы шептались
о невысказанной боли.

1972

Зимний Кольский

Из поезда – и прямо в лес
сквозь бурелом, меж валунами
торчащими, как из небес,
через толщу снега под ногами.

Сквозь грозди красные рябин
вдоль склонов занесённых сопок,
сквозь дрязги мелочных обид,
сквозь жизнь идём в ущелье Мёртвых.

В ущелье сказок, где, как дым,
сползают облака в отрожки,
где каждый след, как свет в окошке,
сияет небом голубым.

Забравшись вверх под облака,
не страшно было вниз свалиться,
ведь друга верная рука
нам не давала оступиться.

Съев перекус, как божий дар,
спускались траверсом по склону
туда, где солнца красный шар
скользил в снега по небосклону.

Где, зацепившись за карниз,
стояли худенькие ели
и в ожидании глядели
как в брызгах катимся мы вниз.

И в памяти на много лет
останется тот зимний Кольский –
бруснично красный лыжный след
и терпкий привкус сигарет,
и ветра свист многоголосый
как панацея от всех бед.

1974

Летним утром

Тумана раннего густая пелена
развешана, как занавес, в лесу.
И потускневший месяц пьёт росу,
а недопитых капель звон
в рожке его серебряном играет
и где-то далеко вдруг затихает,
как эхо, словно в воду погружён.

Берёзы, свои кудри распустив,
стоят, слегка перебирая струны,
и льётся тихий шелеста мотив.
Его тотчас подхватывает ветер
и, свистнув раз-другой по камышам,
пройдётся лёгкой зыбью по ладам
вдруг остановится и, словно в знак признанья,
доносятся, едва слышны
аплодисменты плещущей волны.

Тут, по палитре краски расплескав
от бледно розовой до сочно жёлтой,
вступает солнце гаммою мажорной
в проснувшегося леса птичий гам.

И занавес расходится, открыв простор,
и, разрастаясь шире,
сливаясь в стройный гимн,
бушует песня жизни над Россией!

1977

* * *

Печальный серый дождь как будто входит в раж,
терзает космы рыжие полунагого леса ветер,
Его извечный спутник и надежный паж,
Озябших листьев медь испуганно трепещет
и льнёт к телам деревьев, их прося
защиты, ну а дождь всё хлещет
по стынущим ногам осин, по коже шелковистой

берёз, он бьёт в живую грудь земли,
уставшей после тягот лета и,
собиравшейся хоть на зиму вздремнуть.
Уж из разбухших складок колеи
она не в силах высосать всю воду
и ждёт зимы, как узник ждёт свободу.

1977

Зима

От суеты невдалеке –
Час на автобусе, не больше,
в синь неба руки устремив,
стоит берёзовая роща.

Позёмка вьётся вдоль пути
и холодит берёзам ноги
и, побелев, стоят они,
застыв в сугробах у дороги.

Искрится снег, скрипит мороз
и где-то каркают вороны,
и елей островок зелёный
темнеет в глубине берёз.

Рябины брызги на снегу
алеют, словно капли крови.
Я наглядеться не могу,
как будто всё, что вижу, вновь мне.

И сердце защежит слегка,
и позовет неодолимо,
когда с порывом ветерка
почую сладкий запах дыма.

Вот покосившийся забор
у покосившейся избышки
и прохудившийся платок
на вышедшей встречать старушке.

Она прищурила глаза,
едва прикрыла их ладошкой
и смотрит, кто же там идёт
давно нехоженой дорожкой.

Ей грезится, что сын пришёл,
дров нарубил движеньем быстрым
и по воду затем пошёл
с разохшим старым коромыслом.

Что загудел в печи огонь,
дрова трещат и пар клубится,
и каша в чугушке томится,
и пальцы тронули гармонь,

И полились, как дым, в избе
гармони старой переливы
и, наконец-то, день счастливый
явился и в её судьбе.

Ей тихо на колени спать
уляжется, мурлыча, кошка.
Старушка снова станет ждать
на табурете у окошка.

А за окном луна встаёт
и льёт на мир свой свет прозрачный,
а лес, одетый в саван мрачный,
кого-то у дороги ждёт.

Февраль 1999

III – Размышления вслух

* * *

Вдруг наступила тишина.
Казалось, она будет вечной,
как на войне после «огня».

Затем на тёмном фоне неба
ракета молнии, затем
упали капли, крошки хлеба
отбив чечётку по земле.

Пролился дождь и смыл
всю гадость,
и стало чище на земле.
Вот только грязные остались.

1967

* * *

Упал туман и вылился сметаной,
обрывками повис на проводах,
расплывчатыми стали очертанья
и глуше стали фразы на губах.

Всё отсырело – камни, воздух, люди.
Всё стало лживым, вьедливым, как дым,
и потеряло веру слово «будет»,
которое так часто говорим.

1967

Ветераны

Ноют в непогоду раны,
поседела голова,
а могильные курганы
затянула трын-трава.

Вас не часто вспоминают,
в лучшем случае раз в год,
в том далёком сорок первом
защитивших весь народ,

вставших в бой с предсмертным криком
из окопов во весь рост
и идущих и донныне
в путь последний на погост.

Разве думали тогда вы,
смерть сумевшие поправить,
удостоиться награды
под забором умирать.

Вы тогда не представляли –
славы красная цена
по червонцу за медали,
четвертак за ордена.

Вы прошли по жизни честно
в тесно сомкнутом строю,
что ж поделывать, если места
нет вам в нынешнем раю,

если самой высшей льготой
стал вам воздуха глоток,
да надгробий позолота,
да на праздники венки.

Ярким сполохом салюта
небо майское горит –
это вас при жизни мёртвых,
Родина благодарит.

Май 1991

* * *

Всем известна истина простая –
если Бог захочет покарать,
он не станет, жалости не зная,
благодати чад своих лишать,

а, размыслив, взвесив за и против,
волю над виновным свершит
и в отеческой своей заботе
разума навеки их лишит.

Чтоб одни, не ведая печали,
раз за разом, кто во что горазд,
Родину, как шлюху продавали
каждому, кто цену выше даст,

а другие, как баранов стадо,
позабыв про прошлое своё,
блеяли под дудку плутократов,
радуясь, что больше нет её.

Декабрь 1998

* * *

Когда над Русью безнадёжно
витают перестройки дух,
когда Реформы в прах и пух,
разрушили, что было можно,

Когда в грязи лежат друзья,
другие ж с серебра и злата
едят в отстроенных палатах,
как будто вылезли в князья.

Когда, не ведая стыда,
смерть ходит по пятам за нами
и Русь кровавыми слезами
нас провожает в никуда.

Кто кровь с её лица отмое?
Кто искупит тот чёрный стыд,
которым путь её покрыт,
которым сердце болью ноет?

Декабрь 1998

* * *

Одурачены, околпачены
толпы шли, прославляя свободу.
Только все уж свободы схвачены
лишь правителям нашим в угоду.

Нет, не зря во всё горло кричали,
что богатство страны поделили –
миллионы нищими стали,
а вожди их карманы набили.

Но опять, когда повсеместно
стал царить беззаконья закон,
на глупцов, словно манной небесной,
полился обещаний звон:

Сколько хочешь свободно чирикай
только дело вершить не мешай,
а за это, народ полудикий,
получай свой колбасный рай,

шмотки, курево, горькое пойло –
изобилья прекрасный сон,
и не смей покидать своё стойло –
быть свободным ты обречён.

Январь 1999

* * *

Деньги. Деньги. Много ль толка в них?

Расспросите нищенку с клюкою,
что весь день, выпрашивая их,
крестит нас дрожащею рукою.

Проходящим, словно гранд мерси,
шепчет в спину – Господи, спаси!

Расспросите весь честной народ
и ответит каждый без утайки,
что копейка рубль бережёт,
а не «в деньгах счастье» – просто байки.

И что лучше рваных сто рублей,
ну а сто друзей иметь накладно,
потому что совестью своей
поступились, будь они не ладны.

Расспросите толстосумов вы,
что, как злой Кощей, над золотом чахнут,
и они, не снесть мне головы,
вам ответят – денежки не пахнут.

Они деньги, как навоз гребут,
вилами на воз их собирают.
У них «денег куры не клюют»,
а у нас на водку не хватает.

А о том, что деньги любят счёт,
нам забыть они и так не дали –
в августе устроили дефолт,
а «цыплят» по осени считали.

И летит по нищенской Руси –
от сумы нас, Господи, спаси!
Только бы остаться при своих!
Деньги, деньги, много ль толку в них.

Февраль 1999

* * *

Без совести, без разума, без чести –
Он заслужил с лихвой народной мести,
Россию, сделав нищею страной
И это всё за срок свой небольшой
Сиденья в кресле президента.

По-видимому, в роли резидента
Разведки, разыгравшей этот фарс,
Его поставили главой у нас.
За миллионы фантиков «зелёных»
И ящик водки с огурцом солёным
Довел до краха славную державу
Её втоптавши в грязь былую славу.
Невиданный доселе прецедент,
Таков, увы, наш президент!

Февраль 1999

* * *

Спросил я у гадалки: – «Что ждёт святую Русь?»
И мне она сказала: – «Всё предсказать берусь.
Я видела недавно, как миллиарды звёзд
рассыпались по небу, как вороньё из гнёзд,
и в дьявольском круженье, чертя за кругом круг,
на рубеже столетий они исчезли вдруг.
На небе закатилась российская звезда,
в вселенской круговерти исчезла на всегда.
Печальная картина предстала предо мной
Я излагаю вкратце, рассказ ее простой: –
«С болезнью президента всему придёт конец,
Россия вновь наденет терновый свой венец.
Лавина забастовок охватит весь народ,
а чтоб воздать сторицей Мессия к нам придёт.
С победой коммунистов померкнет белый свет –
в страну придёт разруха на много-много лет
и не увидим больше ни дня ни одного
мы западных кредитов, как носа своего.

Восстанут азиаты, несметною толпой,
как сотни лет когда-то пойдут на Русь войной.
Пророчества свершатся, наступит судный час,
от центра отделятся Карелия, Кавказ.
Развал неотвратимый, подумать кто бы мог,
закончит наш любимый и Дальний наш восток.
Всё будет как сказала, гаданье – не враньё,
нагрянет на Россию коварный Эль-Ниньо.
А в довершенье бедствий, уж ты доверься мне,
отчётливо я вижу, как в ядерном огне
на части европейской врата разверзлись в Ад,
десятки миллионов невинных душ горят».

Такая перспектива, нас ждёт, как не вертись,
Хоть рой себе могилу и помирать ложись.

Февраль 1999

* * *

Посвящается конкурсу «Грудь – 1998»

Что-то странное творится с нами –
развалилась НДР наш дом,
а под сводами московского «Цунами»
девять девок ходят нагишом.

И визжит столичная элита,
выбирая девочку на вкус –
эта дама будет нынче бита
и затискан её пышный бюст.

Пусть дрожит заморская культура –
с Божьей помощью, не как-нибудь,
мы, аршином смерив кубатуру,
выберем свою «Большую грудь».

И она, всему жюри в угоду,
их утешит, как родная мать.
Не пристало русскому бомонду
Что-то ниже пояса сосать.

Бал закончен и, соря рублями,
всё жюри и гости напились,
а на подиум, тряся грудями,
вышла всеми признанная МИСС.

И соплями сиськи ей измазав,
еле взгромоздясь на пьедестал,
говорят, сам Бари Алибасов
победительнице приз вручал.

Вот на этой самой высшей ноте
завершился предыдущий год,
только устроители в заботе –
чем ещё повеселить народ?

На потеху всей России нищей
в кулуарах родилась благая весть –
провести смотр «Задница – 2000»
и в неё без мыла всем залезть!

Февраль 1999

Поступь демократии

Послушай!
Тревогу бьёт барабан.
Наркоман! Наркоман! Наркоман!

Каждая
Клеточка мозга вопит.
СПИД! СПИД! СПИД!

Сбылась россиян
голубая мечта
Нищета! Нищета! Нищета!

Ичкерия –
гнойный на теле нарыв
Взрыв! Взрыв! Взрыв!

Ужаса крик
На разверстых устах
Крах! Крах! Страх!

Март 1999

* * *

Славянские народы – братья,
так повелось с тех давних пор,
когда единой дружной ратью
давали недругу отпор.

Болгары, сербы и хорваты,
словаки, русичи и чех
на битву шли не за награды,
чтоб волю отстоять для всех.

Как порох, вспыхнувший от спички,
гремел над битвой грозный клич –
Вперёд друзья! Сарынь на кичку!
Врага настигнет Божий бич!

Но вот, единое когда-то,
содружество славянских стран,
распалось – кто-то входит в НАТО,
а кто-то корчится от ран.

Своя рубашка ближе к телу.
Не станем мы, тому и быть,
переходить от слова к делу.
С волками жить – по-волчьи выть.

Американские подачки
не встанут в горле, словно ком.
Мы на развалинах Белграда
попляшем, песенки споём.

Славяне не боятся драки,
не станут прятаться в кустах.
Пусть гибнут Сербы так, как Даки,
с улыбкой на своих устах.

Апрель 1999

* * *

В кожанке чёрной, череп бритый –
вот я стою с бейсбольной битой,
я первый раз пошел на дело –
скорей гони бабло, брателло!

Крутая тачка, ствол нагана –
мне всё теперь по барабану.
Забил косяк для кайфа дури
и рядом тёлки две. В натуре!

У нас в России, без базара,
всё продаётся за доллары,
и правит воровской обычай –
тот у руля, кто был на киче.

Есть у меня золотые горы.
Весь мир – театр! Вы в нём – актёры!
Я ж кукловод на этой сцене –
включил я «счётчик» Мельпомене.

У всех ролей конец извечен:
иных уж нет, а те – далече.
И постаменты из гранита
не воскресят братков убитых.

У нас в России, без базара,
всё продаётся за доллары –
надежда и любовь – без меры.
Не продаётся только ВЕРА!

Октябрь 2014

IV – «О, женщина, тебя считал я надеждой, утешеньем, всем...»

* * *

Шелест, звон, удары капель,
бьются капли, льётся звон,
мокнут волосы как пакля,
а в ушах стоит – дин-дон.

Пляшут капли по панели –
дождь! Весна! Во всю галдя.
Под веселый звон капели –
я хочу тебя, тебя, шепчут губы еле-еле.

Я тянусь, ищу тебя,
пальцы рук похолодели,
но вокруг одни капели,
ничего кроме дождя.

1967

* * *

Мне во сне приснился светлый лик,
трепетный как детское дыханье,
лёгкий очерк нежных губ твоих
чуть открытых, жаждущих лобзанья,

милых глаз, смеющийся прищур,
твои руки, что меня ласкали,
но во сне, явившись как-то вдруг,
ты умчалась, в голубые дали.

Тихо листья падали, кружась,
на застывшую во мраке землю.
Быстро уходила ты, смеясь,
никаким мольбам моим не внемля.

1967

М.С.Н. в день совершеннолетия

Обвило руку и легло,
как след весны, как след виденья,
как лёгкий вкус прикосновенья,
простое медное кольцо.

Легло как пух на воду, клином
забилось в сердце. В этот год,
запахший счастьем, как жасмином,
нависший бременем забот,

твой день настал, и было счастье,
и было детство позади,
и нежно-нежно холодил
металл кольца твоё запястье.

Май 1968

Признание

Водную гладь с далью и холодом.
Зелень лесов с данью и голодом.
Солнца жару с марева прелестью.
Тебя люблю со всей моей нежностью.

1968

* * *

Майский день начинался в тумане,
распыляя свой призрачный свет.
Солнца луч резал дым сигарет
и зайчонком играл на диване.

За окном воробьи впопыхах
умывались в пыли придорожной.
От прошедшей же ночи тревожной
лишь остался непонятый страх.

Облака лебедями неслись,
подавая надежды на счастье.
Не заметен был признак ненастья,
но надежды мои не сбылись.

Вечер пасмурный поступью дробной
вдруг пришёл, говоря о себе,
и оставил лишь место мольбе,
да надежде, теперь уж никчёмной.

1969

* * *

Извините, девушка, нахала,
что на улице средь бела дня
хочет знать ни много и ни мало,
только и всего, как звать тебя.

И не хмурьте слишком строго брови,
торопясь скорее убежать.
Может быть, ему дано судьбою
было вас сегодня повстречать.

Может быть, сегодня будет праздник,
будут в церкви бить колокола
и цветы цвести, и липы пахнуть
как нигде ещё и никогда.

Что же вы молчите? Или губы
так боятся тишину спугнуть?
Иль готов ответ сорваться грубый?
Так идите, скатертью вам путь.

1969

* * *

Ещё весна не начиналась,
не слышно было звона капель
и мы с тобой не повстречались,
мы даже думать не могли,
что будут вёсны, будут зимы,
намного нынешних красивей,
что будет радость и печали,
но мы не знали, мы не знали,
мы даже думать не могли,
что обходить не надо света,
что счастье бродит рядом где-то,
а не затоптано в пыли.

1970

* * *

Тёмный вечер, погашены свечи,
тихий шелест портьер у окна.
Льёт печальный свет свой луна
на озябшие женские плечи.

Бьётся сердце. В глазах голубых
крик отчаянный, крик – помогите!
Только рвутся последние нити
о безмолвие комнат пустых.

Ласки грубые, долгая ночь
и тревожный, восторженный шёпот.
Станет слышен на улице топот,
но ничто ей не в силах помочь.

1971

* * *

Торшер. Два кресла. В этом мире
остались только ты и я
и блики света сонно плыли,
нас унося из бытия.

Давно желанная картина
стоит в глазах передо мной.
Нас джинн из лампы Аладдина
во сне соединил с тобой.

И, поражён виденьем ярким,
к твоим стопам приникну я.
Ты, как Лаура для Петрарки,
извечная мечта моя.

На перекрёстках мироздания,
наверно, в этом весь секрет –
для Дон Кихота Дульсинеи
прекрасней не было и нет.

Я за один лишь взгляд Джульетты
готов отдать весь белый свет,
но не избегнуть мне вендетты –
мстит за Офелию Лаэрт.

1972

* * *

Хоть долго время тянется в разлуке
всё ж сердца грусть
проходит,
ну и пусть,
зачем страдать, заламывая руки.

Намного проще, обо всём забыв,
ловить мгновенья
призрачного счастья,
и, не узнав желанного волненья,
в надежде ожидать другой порыв.

И так всё время на ветру трепаться,
как рано пожелтевший
летний лист.

На вид ты – как и прежде чист,
но стоит ли в сомненьях разбираться.

Когда б мы знать могли,
что делается там,
в дали,
где счёт потерян дням.

1972

* * *

Какое новое светило,
на небосклоне засветило,
что, позабыв про свой обет,
готов вдруг бросить всё на свете,
лишь только б видеть очи эти
и силуэт?

Какие лунные приливы
коснулись этой пышной гривы
волной играющих волос?
Но на другом витке спирали
её, конечно повстречали –
всё под откос.

Прекрасный сон, быль, небылица?
В судьбе нельзя так ошибиться
ну хоть ты плачь.
И вихрем облако клубится –
надежды слабой кобылица
пустилась вскачь.

Пусть сон – но, непременно в руку.
Потуже затяну подпругу,
ещё рывок –
как принц из сказки стародавней
к принцессе на горе хрустальной
на огонёк.

И там сгореть в её объятьях
от дивных чар,
как по эллинскому преданью
сгорел Икар.

1986

* * *

Сколько раз я тебе изменял?
Сам не знаю, да, может не стоит
вспоминать о поверженной Трое,
о слезинках в любимых глазах.

Сколько раз я к тебе приходил,
бесконечно скорбя,
и, усевшись тихонько, глядел
как закат за окном розовел
и на горькие складки у рта?

Сколько слов я тебе говорил?
Умолял, Упрекал.
Только плакать не надо навзрыд –
я ни разу не лгал.

Отчего же в любимых глазах
слёзы льются рекою,
почему вспоминаешь о Трое,
как о чём-то поверженном в прах?

1986

* * *

Ах, эти пасмурные дни,
когда на улицу не выйдешь,
тебя неделями не видишь
лишь ждёшь, когда пройдут они.

Ах, эти встречи впопыхах
и непрерывный детский лепет.
Твоих ресниц тревожный трепет
и обещание в глазах.

Ах, этих алых губ магнит,
немного тронутых улыбкой,
меня со всею страстью пылкой
к тебе так сладостно манит.

Ах, эта чопорность манер,
боязнь обидеть даже словом.
Зачем в гусарстве бестолковом
присвоил званье – кавалер.

Ах, эти вечные прости
и неизбежность расставанья,
когда, наперекор желанью,
приходят ожиданья дни.

1993

* * *

О, женщина!
Ты амфора с вином –
Пьянишь рассудок ты
и жаждою томишь.

Ты арфа
с многозвучьем чутких струн,
лишь только тронешь –
заиграешь ты.

Ты яркая полночная звезда,
зовущая на подвиги мужчин.
Но стоит выпить суть твою до дна –
ты просто-напросто – пустой графин.

1999

V – Разное

* * *

Есть на свете небольшое
белорусское село.
Милым именем Глистёнки
называется оно.

Здесь река течёт Вонючка,
овцы блеют невпопад,
а по небу бегут тучки
то вперёд, а то назад.

Чем село то знаменито?
Почему попало в быль?
Там московские ребята
задарма возводят хаты
чтоб смогли в них поселиться
кто покинул Чернобыль.

Под мешалки громыханье,
под пилы бодрящий звон.
Эти парни на собранье,
обращу ваше вниманье,
приняли «сухой закон».

Позабыто всё на свете –
отчий дом, родная мать,
лишь тоскуют все по Людке,
а она, природы шутка,
сразу всем не может дать!

Ни огромные лишенья,
ни июньская жара,
ни кровавые мозоли
от пилы и топора,

ни грязища словно в хлеве,
ни десятки тысяч мух,
ни журавль с деньгами в небе,
не сломили мальчикам дух.

И товарищам с ОБКОМа
дав надежды слабый луч,
три сарая и три дома
обещали сдать под ключ.

Белоруссия, июнь 1986

* * *

За помощью врачебной,
чтобы продлить свой век,
в больницу обратился
недужный человек.

Здесь раздают лекарства
и целый день покой,
и никакого пьянства,
и кормят на убой.

Сестрицы милосердья –
девчонки хоть куда,
с такими бы, поверьте,
остался б навсегда.

Приветливы со всеми,
они за пять минут
и градусник поставят,
и «утку» поднесут.

Поставят днём и ночью
вам клизму, коль запор,
и незаметно очень,
в зад сделают укол.

Возьмут анализ крови
и натошак мочи.
Лежи себе в постели
и только не ворчи.

Врачей хороших очень
подобран персонал.
Таких, сказать по правде,
нигде я не встречал.

С утра по всем палатам
они вершат обход –
послушают сердечко,
пощупают живот.

И с ангельским терпением
готовы нам внимать,
чтобы в конце обхода
диагноз верный дать.

Обследуют как надо
тебя, без дураков,
назначат процедуры –
и ты уже здоров.

Здесь клятвы Гиппократ
везде витает дух.

Здесь вылечат как надо
и женщин, и старух,

И юношей безусых,
и дряхлых стариков
всего за три недели –
для всех закон таков.

Хотелось бы, от сердца,
сказать им гранд мерси,
спасибо за вниманье.

И жить ещё Руси,
пока на белом свете
есть столько чутких рук,
готовых, если надо,
наш вылечить недуг.

Октябрь 1998

* * *

За окошком снег кружится,
заметает всё кругом.
Мне сегодня Дед приснится
в полушубке меховом.

У него в усах сосульки
и большущий красный нос,
вы, конечно, догадались –
Это Дедушка Мороз.

Он откроет тихо двери,
в комнату войдет искрясь.
Я лежу, дрожу в постели,
словно стужа поднялась.

К ёлке тихо он подходит,
долго возится с мешком.
Сквозь задвинутые шторы
светит месяц за окном.

В призрачном его сиянье
Дед подарки достаёт
и под вьюги завыванье
мне под ёлку их кладёт.

Я лежу, глаза зажмурив,
и боюсь его спугнуть,
хоть и хочется сейчас же
на подарки мне взглянуть.

Ну а утром встану рано,
маму с папой разбужу,
покажу свои подарки
и про сон свой расскажу.

Декабрь 1998

Песня инструктора по туризму

«МАНАРАГА»

Мы плывём по Манараге
или просто по Косью.
На плоту девчат ватага,
я ж рулю и водку пью.

Горы слева, горы справа
мимо нас ползут назад.
На плоту девчат орава,
а я этому не рад.

В голове роятся мысли –
с кем из них затеять флирт?
Чтобы в мыслях разобраться
выпью весь казённый спирт.

У впадения Вангыра
днёвку сделаю в избе.
Мне по нраву только Ира,
да ещё Наташки две.

Ох и трудная работа,
если честно говорить,
быть инструктором похода.
Завтра, точно, брошу пить.

Завтра выйдем мы к «железке».
Сяду в поезд до Москвы.
Следующий поход мой детский,
а они не пьют. Увы!

Январь 2014